

1834 бр

Е К О Н О Н Е Н К О

Перед
судом
народа

59

ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ 1943

Цена 40 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00567992

4

1834/07

Кокоренко Е.
перез суден
народа.

1965

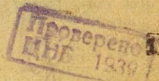
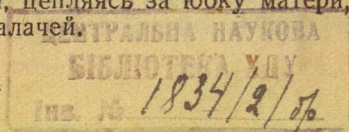
14/10 Выст. день победы

НЕМЕЦКАЯ «ДУШЕГУБКА»

«Душегубка» — так звали в Краснодаре эту серую длинную машину. Сначала она появлялась на улицах города по пятницам, потом каждый день. Иногда она совершала два-три рейса. В эту машину немецко-фашистские палачи втащивали советских людей — мужчин, женщин, детей, стариков... Через несколько минут люди, закупоренные в этой машине, умирали, задыхаясь от смертельного газа — окиси углерода. По городу мчалась машина с мертвецами. Отравленных газом людей везли на окраину города. Серая машина останавливалась у края противотанкового рва. Двери отпирались. Из них шёл беловатый парок. Трупы торопливо сбрасывали в ров и зарывали землёй. Серая гадина уползала... Так гестаповцы умертвили в Краснодаре около 7 тысяч мирных советских граждан.

Сначала никто не догадывался. Людям говорили: вы едете в баню... Потом слух о смертоносном немецком автобусе проник всюду — в подвалы гестапо, где были заперты арестованные, в жилища, на улицы. Люди плакали и кричали, когда перед ними раскрывались двери «душегубки». Их били прикладами, плетью, хватали за горло и бросали в пасть серого фургона.

— Мамочка! Я поеду с тобой!.. Я с мамой! — кричала пятилетняя девочка, цепляясь за юбку матери, которая вырывалась из рук палачей.

145

Дети не знали, что ждёт их. Они вскакивали в машину вслед за своими матерями. Иногда немцы их подсаживали, ободрительно погладив по волосёнкам... А потом выносили из машины синие детские трупики.

Однажды к зданию детской больницы, что на хуторе «3-я речка Кочеты», Усть-Лабинского района, подъехал серый крытый грузовик. Няни по приказанию немцев выводили больных детей. Дети шли в майках, в трусиках. Самым младшим едва минуло три года. Немецкий доктор Герц, гестаповский тюремный врач, улыбался им... Потом закрылась дверь, заработал мотор, горячий газ пошёл по шлангам. Дети в майках и трусиках, задыхаясь, колотили кулачками в оцинкованные стены «душегубки». Те, которые были постарше, успокаивали младших, тщетно звали взрослых, кричали им, что, наверное, произошла какая-то авария — здесь так душно, так тяжело... И тоже падали в смертельных судорогах. А потом детоубийцы штабелями укладывали в яму трупы малышей.

Это кажется невероятным. Но это было именно так. Когда части Красной Армии освободили Краснодар, когда стали раскапывать в городе и в районах рвы и ямы, нашли трупики даже грудных младенцев.

Жуткое зрелище увидели люди. Огромный противотанковый ров возле завода измерительных приборов был доверху наполнен телами замученных краснодарцев... Это были клубки мёртвых человеческих тел. Одни трупы находились в лежачем положении, с раскинутыми в стороны руками и ногами, то вверх, то вниз лицом. Другие трупы были в лежачем положении с полусогнутым туловищем. Были мертвецы и в позе сидящего или стоящего человека. Руки, ноги и головы мёртвых людей переплелись между собой. При попытке изъять отдельные трупы из ямы, извлекалось сразу несколько трупов. Это свидетельствует, что умерщвлённые немцами люди были беспорядочно сброшены в ров и закопаны... На телах мужчин, женщин и детей не было ни одежды, ни обуви.

Холодея от ужаса и горя, опознавали люди в груди гниющих, обезображенных страшной казнью мертвецов своих родных, близких. Узнавали и не верили.

Так опознал рабочий завода «Краснолит» Василий Петренко свою жену Веру, семилетнего сына Юру и крохотную трёхлетнюю дочку Инну. Опознал и, закрыв лицо руками, отшатнулся...

Гитлеровцы травили советских людей окисью углерода в закупоренных машинах. Это были крытые грузовики, грузоподъёмностью 7—8 тонн, с двойными стенами и фальшивыми окнами, придававшими им вид автобуса. В задней стенке кузова имелась плотно закрывающаяся дверь. Внутри кузова была сделана решётка. Под нею проходила выхлопная труба, по которой отработанный газ поступал из двигателя в кузов. При работе мотора, когда машина стояла на месте, смерть наступала через 7 минут. Если машина находилась в движении — люди умирали через 10 минут.

Одних немецкие изверги травили в этих автобусах. Других они расстреливали, третьих — вешали, сжигали... Неделями качались мёртвые тела на Сенном базаре, на Новом базаре, на Красной улице, на Дубинке.

Сейчас, когда проходишь по площадям освобождённого Краснодара, когда слышишь на улицах детский смех, красноармейскую песню, звон трамвая, оживлённые разговоры, невольно вздрагиваешь, представляя себе казнённых гитлеровцами ни в чём неповинных советских людей.

Гнев обжигает сердце. Проклятое гитлеровское отродье! Звери! За что они убивали людей? За то, что это — советские люди, за то, что они любят свою родину. Немцы хватали здоровых и больных, детей и взрослых, арестованных и не арестованных, русских и не русских. В страшном рву были найдены тела инвалидов с костылями, женщин с бидончиками и корзинками в руках — женщины, как видно, шли за покупками. Немцы бросали их в «душегубку».

КТО ПАЛАЧИ?

Кто был вдохновителем зверств и злодеяний, учинённых в дни оккупации города Краснодара и Краснодарского края? Кто несёт ответственность за пытки и издевательства, за массовые расстрелы, за умерщвление людей газами, за сожжение ни в чём неповинных советских граждан, стариков, женщин и детей? Кто эти палачи?

Палачи — руководители разбойничьего фашистского правительства Германии и немецкого командования, а в частности командующий 17-й армией генерал-полковник Руоф и непосредственные исполнители зверств:

Кристан — полковник, шеф краснодарского гестапо,

Раббе — капитан, заместитель шефа гестапо,

Сальге — офицер гестапо,

Сарго — офицер гестапо,

Пашен — офицер гестапо,

Босс — офицер гестапо,

Винц — следователь гестапо,

Ган — офицер гестапо,

Мюнстер — офицер гестапо,

Мейер Эрх — офицер гестапо,

Герц — врач гестапо,

Шустер — врач гестапо,

Эйкс Якоб — сотрудник гестапо,

Шертерлан — сотрудник гестапо.

И у них были пособники, продажные гадины, работавшие при гестапо в карательной «Зондеркоманде СС-10-А».

Кристан, Раббе, Герц и прочая гитлеровская сволочь удрали, когда Красная Армия подходила к Краснодару. Удирая, они пытались замести следы. Серые «душегубки» они сожгли. Но мы разыскали след. Противотанковый ров, доверху наполненный человеческими трупами, мы разрыли. А пособников врага поймали с поличным. Шила в мешке не утаишь. Как ни старались предатели скрыть свою измену родине, мы их разоблачили. Они предстали перед советским судом, перед всем советским народом голыми, как черви.

НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

Вот они сидят на скамье подсудимых. Мразь. Гнильё. Человеческие отбросы. Василий Тищенко, Иван Речкалов, Николай Пушкарёв, Юнус Напцок, Григорий Мисан, Василий Павлов, Михаил Ластовина, Иван Парамонов, Григорий Тучков, Иван Котомцев, Игнатий Кладов.

При виде этих мерзавцев хотелось крикнуть во весь голос: глядите на них, советские люди, глядите в их продажные скотские морды. Пусть ребёнок, мать которого задушили эти змеи, плюнет в их бегающие глаза. Пусть мать, у которой засекали шомполами сына в подвалах гестапо, утешит своё окровавленное сердце, видя их на скамье подсудимых. Пусть сам народ подпишет приговор предателям.

Смрадная червивая кучка. Сейчас они без немецких мундиров, значков и полицейских нарукавных повязок. Сейчас они обезврежены. А что они делали, все эти подлые изменники, когда «работали» на немца, продавшись душой и телом злейшим врагам нашей родины! Они душили, расстреливали честных советских людей, измывались над ними.

Вот этот — по фамилии Тищенко — староста «Зондеркоманды СС-10-А» и следователь фашистского гестапо. Он самолично подвергал пыткам советских граждан. Он бил их плетью, выворачивал руки. Там, в застенках гестапо, применялась не только плеть. Честных жителей Краснодара, преданных родной советской земле людей, там кололи булавами, выдёргивали им волосы, срывали у них ногти. А когда они кричали, немцы заводили патефон. И вместе с немцами крутил патефон подлец Тищенко.

Сколько честных мужчин, женщин, подростков, малых детей было удушено и расстреляно стараниями Василия Тищенко, продавшегося немцам.

А этот — Пушкарёв Николай — назывался у них «группенфюрером». Он был командиром отделения «Зондеркоманды». Он жрал с немцами колбасу и с немцами же убивал невинных советских людей. Он хладнокровно смотрел, как

метались и умирали краснодарцы в огне подожжённого здания. В эти минуты он стоял на карауле у горящего дома и курил немецкие сигареты...

А вот тот — Речкалов Иван — мог подробно объяснить техническое устройство «душегубки» — она ему была хорошо знакома. Он сопровождал её верхом на коне к противотанковому рву, вытаскивал из машины трупы задушенных и закапывал их. Ему платили за это. Его угощали сигаретами. Он был доволен.

А тот, пожилой, — Михаил Ластовина — служил у немцев палачом в буквальном смысле этого слова. Он выводил своих земляков и ставил их в ряд по четыре человека, лицом ко рву... Сто краснодарцев было расстреляно при участии этого злодея. Некоторых закапывали полуживыми. Девушка, по имени Маруся, умирая, крикнула Ластовине окровавленным ртом:

— Придут наши и отомстят за нас!

И сейчас, глядя на этих пойманных изменников родины, которые сидели на скамье подсудимых, хотелось громко сказать им:

— Так вот, наши пришли! Рассказывайте, сволочи, советскому народу, как это вы душили и вешали земляков, как вы за фашистскую подачку предали русскую землю. Держите ответ перед народом!

ЗОНДЕРБАНДА

Четыре дня в городе Краснодаре длилось судебное заседание. Все советские граждане, в тылу и на фронте, с глубоким волнением следили за процессом. Каждому хотелось узнать и понять: кто же они — эти чудовища в образе человека? Как могли они продать врагу свою родину, свой народ, душить советских людей, мыть руки в крови наших детей? Кто они?

Они ёрзали на скамейках, 11 палачей и шпионов из «Зондеркоманды СС-10-А» — кровавого карательного органа гестапо.

Они давали показания. Суетливая гадина Тищенко с томными глазами развратника, которые он то опускал, то поднимал, кокетничая откровенностью своих чудовищных рассказов. Длинноголовый уболюдок Напцок с каменной физиономией, тайный агент по вылавливанию советских патриотов. Группенфюрер Пушкарёв с наглым, отвратительным стеклянным взглядом. Идиотски ухмыляющийся Мисан. Кулак Ластовина, на багровой морде которого было написано: «Просчитался. Что ж теперь со мной будет?» Гадёныш Парамонов, вздрагивавший, как нашкодивший щенок. Вороватый Тучков, глядя на которого хотелось сказать: «Знает кошка, чьё мясо съела». И все остальные — омерзительные, вонючие душонки.

Диким и оскорбительным казалось, что они носят русские имена — Иван, Василий, Игнатий, Михаил... Странно было слышать их русскую речь. Нет, это не русские люди. Они никогда не были русскими и никогда не были честными советскими гражданами. От них всегда воняло фашистской псиной. От них всегда несло падалью. Мерзкие человеческие отбросы. Люди без совести, без чести, без родины. Они сидели сейчас в обыкновенных пиджаках. Но нетрудно было представить себе их всех в немецких касках и мундирах. Гитлеровская форма им весьма была к лицу! «Зондеркоманда!» Правильнее называть ее «Зондербанда».

Прокурор спросил изменника Тищенко, старосту «Зондеркоманды»:

— Что вас толкнуло на измену своему народу, родине? Тищенко ответил:

— Я рассчитывал, что советской власти в Краснодаре больше не будет. Это меня побудило наняться на службу немцам. Я добровольно пошёл в созданную немцами полицию в надежде выслужиться перед ними и обеспечить будущность себе и своей семье.

Перед залом суда предстало во всей своей наготе подленькое и гаденькое нутро шкурника, карьериста, взяточника. Он выслуживался перед гитлеровскими разбойниками, или, как он заявил суду, «честно выполнял поручения немцев», т. е. помогал травить советских людей газами, расстреливал, пытал, шпионил, доносил. Вот почему холуй так быстро из полицейских попал в особую карательную команду, а потом, выслужившись, получил в своё распоряжение 50 убийц. Он очень усердно командовал этими преступниками, и за это ему дали звание следователя гестапо. Став следователем, он, опять-таки ради шкурных своих, скотских интересов, отправлял на тот свет советских людей. Он получал за это деньги. С ним лично был знаком и здоровался за руку насильник Раббе, заместитель шефа краснодарского гестапо. Немецкие офицеры Сальге и Сарго угощали его шнапсом. Главный разбойник Кристман считал Тищенко способным учеником. Вор вора видит издалека. Фашистский выродок Тищенко весьма скоро проявил свои способности. Он заводил дела по обвинению невинных советских людей, бросал женщин и стариков в подвалы гестапо и брал у их родственников взятки... вареньем. Он пил чай с этим вареньем, а в это время за дверью гитлеровские палачи втыкали советским людям булавки под ногти.

Пушкарёв тоже весьма откровенно признался на суде:

— Я старался всячески выслужиться перед немецкими офицерами, чтобы они ко мне хорошо относились. Поэтому они меня назначили группенфюрером.

Нетрудно было Пушкарёву быстро войти во вкус гестаповских «подвигов» — он всегда был подлецом. Он мучил людей и цедил сквозь зубы: «Это вам не советская власть!»

Председатель суда спросил Речкалова, что прельстило его, когда он добровольно пошёл служить в полицию.

— Работа лёгкая, не пыльная, — ответил мерзавец, сопровождавший верхом на коне машины, в которых умирали советские люди, и охранявший подвалы гестапо, где тоже умира-

рали советские люди. Потом он стал не только охранять пленников. Он закапывал их трупы. «Приличная должность!» — так и сказал на суде этот растленный бандит, объясняя, почему он так усердно выслуживался перед немцами.

«Хотел заполучить приличную должность», — сказал он. И тут же рассказывал суду о том, какие большие синие пятна были на телах и лицах удушенных женщин и детей.

Такова «Зондеркоманда»!

Речкалов — растратчик и вор, у него две судимости. Ластовина — репрессированный кулак. Котомцев — был осуждён советской властью за бандитизм. Тучков — судился советской властью за хулиганство. Вот кого вербуют в свои разбойничьи шайки немцы. Бандит к бандиту липнет. За спинами изменников, предателей мы видим тех, кого пока ещё нет на скамье подсудимых, — всех этих Кристманов и прочих гадов, которые, придёт время, будут держать суровый ответ перед нашим народом.

Один за другим давали показания арестованные пособники врага, и перед судом, как на экране, прошли зловещие замыслы и действия гитлеровцев.

«Душегубки» — это не просто бредовое самодурство немецкого полковника Кристмана, садиста, пьяницы и развратника, упивавшегося своей временной властью в оккупированном Краснодаре. «Душегубки» — это метод планового истребления советских людей, задуманного Гитлером и его бандой. Такие же «душегубки» немецкие фашисты применяли и в Ставрополе, Пятигорске, Ессентуках, Кисловодске. С помощью таких механизированных могил на колёсах гитлеровские палачи умертвили сотни жителей в Смоленске и Могилёве.

Убийства мирных жителей, насилие, запугивание, страшные пытки при допросах, гнусные провокации, карательные «Зондеркоманды» из уголовников — это система гитлеровской армии.

ПРОВОКАЦИИ ГИТЛЕРОВСКИХ ПАЛАЧЕЙ

Немецкие захватчики — подлые провокаторы. Преследуя цель истребить как можно больше советских людей, они идут на всякие провокации, на самый гнусный обман. Вот как обманывали гитлеровские разбойники краснодарских жителей.

Однажды они оповестили, что на Новом базаре будет продаваться мясная требуха. Люди изголодались. Они хотели есть. Они пошли. Собралось множество женщин, стариков и детей. И вот подъехала закрытая машина и остановилась у столба с радиорепродуктором. Из кабины выскочил гитлеровский офицер и два холуя — изменники советской родины. Палач вскарабкался на столб, привязал верёвку, сделал петлю... Толпа заволновалась. Из машины вывели пленного краснофлотца. Он шёл спокойной, гордой походкой, высоко поднимая голову. Ветер трепал незастёгнутый бушлат. Его тельняшка была в крови...

Палач стал набрасывать петлю на шею краснофлотца. Моряк с силой оттолкнул палача ногой.

— Уйди, предатель! — брезгливо вскричал он. Немец отстранил палача и сам набросил петлю. Толпа закричала, заплакала. Немецкие полицейские стали хватать людей, выражавших своё сочувствие моряку. И тогда краснофлотец, глядя на женщин и детей, крикнул:

— Товарищи! Не плачьте! Палачи народа ответят тысячами своих жизней. Скоро наши придут и за всё отомстят!

Был ещё такой случай в Краснодаре. Немцы объявили жителям, что через город пройдёт несколько тысяч пленных красноармейцев.

— Вы можете вынести им продукты, если хотите, — милостиво разрешили гитлеровские провокаторы, — можете поговорить с ними, расспросить у них о судьбе своих близких фронтовиков.

Краснодарцы поверили немцам. Сотни женщин, стариков, детей вышли навстречу пленным. Они несли подарки, про-

Дукты. Навстречу им гитлеровцы пустили автомашины с немецкими ранеными солдатами. Вот приблизились машины... Вот бросились женщины и дети навстречу им, думая, что это везут пленных бойцов Красной Армии. Но никаких красноармейцев не оказалось.

А знаете для чего это сделали немцы? В ту минуту, когда жители Краснодара побежали навстречу машинам, протягивая хлеб, лепёшки, защёлкали фотоаппараты, засуетились кинооператоры. Немцы быстро произвели фото- и киносъёмку, которая по замыслу фашистских провокаторов должна была изобразить «встречу», якобы устроенную советскими гражданами немецким солдатам.

Заплакали, заметались одураченные гитлеровцами люди. А немцы, издевательски посмеиваясь, принялись разгонять их по домам.

Гитлеровские захватчики не раз пускали в ход сначала киноаппарат, а потом нагайки. Когда немцы входили в Краснодар, они совали ребятишкам конфетки — вот, мол, какие мы добрые! А кинооператоры снимали это с разных углов.

Немцы разломали несколько домов и заборов и раздавали на топливо женщинам эти краденые доски — вот, мол, какие мы заботливые. В нетопленных жилищах замерзали дети. Женщины брали доски. И в это время кинооператоры крутили свои аппараты.

А потом вместо дров появились виселицы, вместо конфеток — нагайки... Штыком, пулей, плетью насаждали гитлеровцы на Кубани «новый порядок». Сколько казаков и казачек, сколько горожан и селян пали жертвами фашистского разбоя и подлых фашистских провокаций.

Кровавой провокацией ознакомили немцы и своё отступление из Краснодара. Отряд матёрых гитлеровцев, составленный из людей, владеющих русским языком и переодетых в красноармейскую форму, обходил дома краснодарских жителей, призывая молодёжь вооружиться и начать преследование отступающего врага.

— Берите оружие, идите бить немцев, помогите Красной Армии скорее освободить Краснодар, — призывали провокаторы, переодетые в красноармейскую форму.

Для чего это они делали? Для того, чтобы выявить среди населения советских патриотов и расправиться с ними.

Кое-кто поддался на эту удочку и с оружием вышел на улицу. И тогда на них набросились фашистские волки, сбросившие с себя красноармейскую одежду.

Подсудимый Пушкарёв рассказал на суде о провокационных поездках гитлеровцев в станицы. Снабжённые фальшивыми документами, немцы разъезжали по станицам под видом военнопленных красноармейцев, освобождённых из лагерей. С ними разъезжал и подлец Пушкарёв. Цель этих поездок — выявлять советских активистов и людей, сочувствующих партизанам. Таких людей провокаторы уничтожали.

В ЗАСТЕНКАХ ГЕСТАПО

Утром к зданию, в котором шло судебное заседание, подошёл седой старик Никита Иванович Бронник. Он стал просить часовых:

— Товарищи, пропустите меня в зал. Я хочу слышать приговор над убийцами моей жены и моей дочери.

Никита Иванович Бронник лежал больной, когда немцы поволокли в подвалы гестапо его дочку, молодую учительницу Веру.

— Отец! Я уйду с Красной Армией, — говорила она мне, когда немцы приближались к Краснодару. Не могу я жить при немцах, не могу служить им...

Вера ушла, но была схвачена гестаповцами. Её хотели склонить на предательство. Её пытали, над ней чудовищно издевались. Молодая учительница до конца осталась верной дочерью советского народа. Гестаповцы убили её. Жена Никиты Ивановича пошла, чтобы узнать о судьбе арестованной дочки. Пошла и не вернулась. И её бросили

палачи в подвалы гестапо, и её растерзали насмерть... Осиротел Никита Иванович Бронник.

— Пройдите, отец... — сердечно сказал молодой часовой, пропуская старика в зал суда.

Много было здесь людей, близкие которых погибли от руки немецких оккупантов и их пособников.

В зале напряжённая тишина. Свидетели рассказывают о зверствах гитлеровских захватчиков.

Трудно, очень трудно было сдерживать волнение, слушая показания свидетелей. Секундами казалось, что ты больше не выдержишь, что ты больше не в состоянии слушать. Трупы и трупики. Горы трупов. Задушенные. Расстрелянные. Повешенные. Изнасилованные. Сожжённые. Девушка, у которой рот превратился в сплошную кровавую рану. Девочка, которой немец Раббе со смехом ткнул горящую папиросу в глаза. Полуобгорелое тело красноармейца узбека, сожжённого заживо гитлеровцами. Синенькая майка ребёнка, выкопанного из ямы. Майку задела колхозницы серпом, потянули и вскрикнули — мёртвый мальчик. Стали копать и увидели — задушенные дети, 42 задушенных ребёнка. Застывшая голова семнадцатилетнего комсомольца-школьника Владимира Головатого. Юная голова, на которой кожа вздёрнута от лба к затылку вместе с волосами.

— Волосы у него были большие, пышные, — тихо сказал свидетель-отец и вздрогнул. И вместе с ним вздрогнул весь зал.

— Вы не могли ошибиться? — спросил председатель суда. — Вы уверены, что это было тело вашего сына?

— Один он у меня, — всё мне в нём знакомо, — ответил Дионисий Антонович Головатый. Он плакал.

У всех нас, сидящих в зале, ещё была перед глазами сорванная гестаповцами кожа с чудесными густыми волосами советского юноши Володи, а уже перед судебным столом стоял следующий свидетель. Это был рабочий Колумийцев. Глухим от волнения голосом рассказывал он, как искал

среди сотен, среди тысяч трупов мирных краснодарских жителей свою жену Раису. Он нашёл её.

— Лицо её было изуродовано.. один глаз придавлен... на теле полосы... тёмные такие.

Рабочий Коломийцев провёл рукой по виску. Пальцы дрожали. Потом он медленно повернул голову к скамье подсудимых, и глаза его встретились с глазами гитлеровских ублюдков.

Они побледнели и притихли. Они поджали хвосты, эти подлые твари. Им стало не по себе. Они почувствовали гнев народный и надвигающийся час сурового возмездия. Тищенко втянул голову в плечи. Пушкарёв спрятался за его спиной. Тяжело задышал кулак Ластовина. Нервно зевнул Котомцев. Зацарапал желтоватым ногтем перила перегородки Речкалов...

А свидетели всё говорили... Одни плакали, вспоминая пережитые издевательства, другие сжимали кулаки и требовали расплаты.

Немцы-гестаповцы допрашивали арестованных жителей в пьяном виде. Немцы били их шомполами, палками, нагайками, коваными сапогами, вырывали волосы, срывали ногти. Гитлеровские офицеры насиловали арестованных женщин и девушек. Особенно зверствовал шеф гестапо полковник Кристман.

Свидетели рассказывали, как выволакивали после допроса из кабинета Кристмана окровавленных советских людей. Они не выходили, их выносили. У них были обезображенные, покрытые синяками и кровоподтёками лица. У некоторых были переломаны руки и ноги. Полумёртвых от побоев, пыток, голода и жажды гестаповцы поили солёной водой.

Перед всем миром разоблачали свидетели звериное нутро гитлеризма.

— Вот он! Вот сидит... в голубенькой рубашечке,— с ненавистью воскликнула свидетельница Мирошкина. Она была схвачена гестаповцами, над ней издевался вместе с нем-

цами Василий Тищенко, пытаясь, кто из её семьи в рядах Красной Армии.

— Подсудимый Тищенко, вы подтверждаете показания свидетельницы? — спросил председатель суда.

— Да, — уронил мертвенно бледный Тищенко и отвёл бегавшие глаза в сторону.

Они были прижаты к стенке, эти фашистские прихвостни. Они боялись свидетелей, боялись фронтовиков, прибывших на суд из воинских частей Красной Армии и не спускавших острых взглядов с побледневших физиономий убийц.

А свидетели всё говорили...

— Женщин, сидевших в нашей камере, приводили после допросов в таком состоянии, что их нельзя было узнать, — рассказывала свидетельница Климова. Она тоже была брошена в подвал гестапо.

— Как сейчас помню, вернулась одна девушка, молоденькая такая, с допроса... На ней лица не было, вся в крови, опухшая, платье разорвано... Немецкие офицеры раздели её, привязали к столу, завели патефон и, пока пластинка играла, били её смертным боем... Девушка эта ни в чём не признавалась. Немцы снова завели патефон и били, били, били до тех пор, пока опять не проиграла пластинка. И так два часа!

Сотни советских граждан были расстреляны немцами около виноградников совхоза № 1, в окрестностях Краснодара. Ирина Талашенко, Мария Денисенко и другие работницы совхоза были очевидцами этого жуткого расстрела. Ирина работала на обрезке винограда. Она слышала выстрелы, плач детей, вопли матерей. Она слышала чей-то душераздирающий крик:

— Господи, сколько нас здесь, безвинных!

Врач краснодарской городской больницы Козельский рассказывал, как расправились гестаповцы с больными.

В коридорах больницы раздавался топот кованых сапог. Это приехал немецкий тюремный «доктор», гестаповский палач Герц. Его сопровождали офицеры. Герц согнал

в кабинет главного врача всех медицинских сестёр и врачей больницы. Он снял с пояса револьвер, положил на стол и, играя им, спросил ломаным русским языком:

— Коммунисты, комсомольцы, евреи есть?

Услышав, что среди врачей коммунистов, комсомольцев и евреев нет, Герц заявил:

— Я германский офицер, мне приказано изъять отсюда больных. Немецкое командование приказало, чтобы больных во время войны не было. Они должны быть уничтожены. Понятно? Как их уничтожат, вас не касается.

Врачи побледили. Кто-то спросил растерянно:

— А как же выздоравливающие? Ведь они скоро поправятся. Ведь это почти уже здоровые люди!

— Молчать! Об этом я скажу вам после,— резко оборвал Герц.— Понятно?

Врач-свидетель Козельский рассказывал:

— Я вышел во двор и увидел, что, пока Герц нас собирал, уже началась погрузка в «душегубку». Сначала больные не догадывались, в чём дело,— им сказали, что перевозят в другую больницу. Но потом догадались. Крики и вопли раздирали душу. «Душегубку» загрузили доотказа. Она отвозила жертвы и возвращалась за новыми... За несколько рейсов немцы умертвили 300 больных!

Больных, которые не могли идти, выносили на носилках и сбрасывали в кузов автобуса смерти.

Точно так же поступили злодеи и с больными Березанской лечебной колонии. Их избивали, скручивали им руки и швыряли в «душегубки».

— Русский больной газом капут,— сказал, ухмыляясь, гитлеровский солдат. Это слышала свидетельница санитарка Мохно.

Так было в больницах для взрослых, так было и в детских лечебницах.

— Когда стали сажать в «душегубку» больных детишек... один мальчишечка... Володя Зузуев его зовут, словно чув-

ствовал... он выглянул из двери и закричал: «Прощай, товарищ Сталин, прощайте, нянечки, я больше не вернусь!» И двери закрылись... Пока я живу на свете, не забуду этого страшного часа,— рассказывала работница детской больницы Иноземцева.

Мы все, сидящие в зале, словно услышали голос ребёнка. Мы все замерли. Молодой боец-конвойный, стоявший до сих пор неподвижно у скамьи подсудимых, перевёл глаза на арестованных, и глаза эти блеснули вдруг, точно два клинка.

И мы все, присутствующие в этом зале,— и муж отправленной в «душегубке» Раисы, и отец замученного юноши Головатого, и старик Бронник, и кубанские колхозницы, которые тихо плакали, вытирая глаза концами головных платков,— все мы повернули свои лица к перегородке, за которой ёжились эти прокажённые.

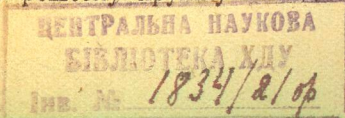
— Звери... Гады!. Придёт им конец! — пронёсся гневный шопот в зале.

...Немцы вталкивали в «душегубки» взрослых, а за ними, как поленья дров, швыряли маленьких детей. Одна мать не вынесла страданий своего ребёнка и бросилась ему на помощь. Её сшибли с ног ударом приклада. Ребёнок, которого тащили в автобус, укусил немца за руку. Тогда другой гестаповец прикладом размозжил ему голову. Брызнул детский мозг...

— Что вы делаете, ведь меня ни разу не допрашивали,— кричала одна из женщин, которую вталкивали в «душегубку».

Свидетельница Гажик жила рядом с домом, где помещалось гестапо.

— Я много раз слышала женские крики и детский плач. Они раздавались из подвала гестапо. Я слышала слабые голоса: «Глоток воды! Ради бога, глоток воды! Мы умираем!» Когда часовой зазевается, мне удавалось сунуть в окно через решётку кружку с водой или корку хлеба,

и тогда я слышала детские голоса: «Не пей, не пей всё, оставь мне хоть каплю». Я видела через забор, как сажали людей в серую машину. Я слышала собственными ушами, как пятилетняя девочка, не понимая, что происходит, кричала матери, которую волокли в машину:

— Мамочка, мамочка, я поеду с тобой!

Тогда немецкий офицер вытащил из кармана тюбик и смазал девочке губы каким-то веществом. Девочка затихла, и её бросили в кузов...

Собираясь удирать из Краснодара, немцы стали поджигать дома. Они подожгли здание Госбанка, табачного склада и многие другие. Потом они подожгли здание гестапо, в подвалах которого были заперты люди.

— Я потом была в этих подвалах, — рассказывала свидетельница Гажик. — Первое, что я увидела, был труп с отрезанными руками. Кругом лежали обугленные трупы людей и рядом с ними — покоробившиеся от жары банки из-под бензина. Трупов было так много, что нельзя было их сосчитать. И не только в подвалах! Весной нам отвели под огород участок во дворе дома, где помещалось общежитие «Зондеркоманды» — вот этих!

Свидетельница гневно указала на скамью подсудимых.

— Когда мы начали копать, нашли несколько трупов замученных советских людей... Это они их убили! Они!

Страшен был рассказ свидетелей о том, как немцы заживо сожгли людей.

— К нам в дом заполз неизвестный человек. У него было полуобгорелое тело... — рассказывала свидетельница Рожкова. — Он весь был изранен, обожжён, челюсть у него была сбита набок. Он успел только сказать нам, что он пленный красноармеец-узбек. Он выбрался из подвала гестапо после того, как рухнуло подожжённое здание. Он сказал, что в камере, где он сидел, было 40 человек, но спасся только он один, а остальные все заживо сгорели... Мы положили красноармейца на постель, стали ему помогать, но он умер...

В зале присутствовал старый священник. Верующие граждане Краснодара его хорошо знают. Это священнослужитель Георгиевской церкви Ильашов.

Священник пришёл на суд рассказать о зверствах немцев. Седая голова старика тряслась от гнева, когда он смотрел на скамью подсудимых. В голосе священника закипали слёзы, когда он рассказывал о многих хорошо знакомых ему русских семьях, у которых гитлеровцы отняли кормильца, замучили мать, растерзали сына или дочь.

— На следующий день после бегства немцев из Краснодара меня пригласили совершить погребальный обряд в одну семью, которая переживала большое горе. Только что привезли тело единственного сына, убитого фашистскими палачами. Я был в семье моего знакомого фотографа Луганского. Ещё недавно мы встретились с Кирюшей, а сейчас вот пригласили меня совершить погребальный обряд.

— Немцы убили? — спрашиваю я.

— Немцы, батюшка, будь они прокляты!

— Я не мог совершать обряда, слёзы безудержно катились из глаз, думалось о русских людях, безвинно погибших на своей родной земле от руки немецких извергов. Погибла от их проклятых рук и моя соседка Райса Иванова. Я близко знал её семью — хорошая, дружная, трудолюбивая русская семья... Немцы удушили Райсу Ивановну каким-то отравляющим веществом — никаких ран на ней не было, только лицо избороздили красноватые полосы. Многие прихожанки рассказывали мне, как зверствовали гестаповцы. Всё, что творили здесь немцы, — массовые убавы, истребление тысяч мирных людей — окончательно убедило меня в том, кто такие немцы.

Я свидетельствую здесь перед всем русским народом, перед всем миром, что это дикие звери, и нет у меня слов, которые бы выразили всю ненависть и проклятие наше этим извергам!

Пожилой рабочий Котов был в «душегубке». Это человек, который вышел живым из могилы...

Рабочий Котов пришёл рассказать суду всё, что он видел. Ему трудно было стоять, трудно было говорить, — он пережил слишком глубокое потрясение. Он стоял перед судебным столом и то и дело дрожащей рукой проводил по вискам.

— Свидетель Котов, — сказал председатель суда, — вам трудно стоять, вы можете давать показания сидя...

И вот человек, который чудом выбрался из могилы, сидел на стуле перед микрофоном и тихим голосом рассказывал...

Это было 22 августа 1942 г., в тот страшный день, когда палац Герц нагружал автобус больными. Котов пришёл за справкой в 3-ю городскую больницу, где раньше лечился. Не успел он сделать и двух шагов, как немецкий офицер схватил его за шиворот и втолкнул в кузов «душегубки». Дверца захлопнулась.

— Тут было битком набито людей... Некоторые были совсем раздеты, некоторые в нижнем белье. Кто-то кричал... плакал. Я почувствовал, что машина тронулась. Мне стало плохо, я начал терять сознание. Какой-то острый, душный, нестерпимый запах бил в нос. В своё время я обучался на курсах ПВХО и понял, в чём дело: нас травят каким-то газом. Я быстро разорвал рубашку, смочил её мочёй, прижал ко рту, к носу... стало легче дышать. Что было дальше, я не помню. Я потерял сознание. Очнулся я в яме... среди мертвецов. На мне, вокруг меня были трупы, трупы... Яму ещё не закопали. Наверно «душегубка» ушла за другими жертвами. Я начал ворочаться и выбираться из-под трупов. Это было трудно, очень трудно. Я уж не помню, как я выполз из этой ужасной ямы и дополз домой...

Весь зал, затаив дыхание, слушал этот жуткий рассказ человека, побывавшего в «душегубке».

РЕЧЬ ПРОКУРОРА

Председатель суда предоставил слово представителю государственного обвинения, генерал-майору юстиции Яченину. В зале стало очень тихо.

— С чувством глубокой скорби за невинно пролитую кровь тысяч замученных советских людей, — начал свою речь государственный обвинитель, — с чувством неутолимой ненависти к немецким захватчикам за зверства и насилия, за горе и слёзы нашего народа я начинаю свою обвинительную речь.

Мы прошли с вами, товарищи судьи, за эти несколько дней процесса по следам зверя. Перед нами раскрылись чёрные провалы противотанковых рвов, превращённых немецко-фашистскими извергами в гигантскую могилу более 7 тысяч мирных советских людей — женщин, детей и стариков. В наших ушах ещё и сейчас стоит стон и предсмертные крики растерзанных, расстрелянных, удушенных наших братьев, сестёр и детей.

Коричневая саранча за 6 месяцев опустошила и обездолила богатейший Краснодарский край. Откатившись под ударами Красной Армии, она оставила за собой реки крови, потоки слёз, горы трупов, дым пожарищ, бездну безысходного народного горя.

Краснодарский край — не исключение. Везде, где ни ступит нога фашистского зверя, воцаряется мрачная ночь, гибнет жизнь и в открытые могилы сбрасываются сотни и тысячи ни в чём неповинных людей.

Такова сущность фашизма, такова его людоедская программа в действии.

Ещё до начала войны об этих кровавых планах с дьявольской откровенностью говорил гнусный главарь фашистской банды Гитлер. И его подручные, по его прямому приказу, убивают, душат, грабят, вешают.

Гитлер и его клика годами воспитывали в немцах мораль диких зверей, вытравливая хотя бы малейшие намёки на

совесть, честь. Товарищ Сталин 6 ноября 1941 г., характеризуя гитлеровцев, привёл в своём докладе слова Гитлера и Геринга:

«Убивайте, говорит Геринг, каждого, кто против нас, убивайте, убивайте, не вы несёте ответственность за это, а я, поэтому убивайте!»

«Я освобождаю человека, говорит Гитлер, от унижающей химеры, которая называется совестью. Совесть, как и образование, калечит человека. У меня то преимущество, что меня не удерживают никакие соображения теоретического или морального порядка».

Кончится нашей победой война, будут восстановлены разрушенные здания Краснодара и других наших городов. Вновь расцветут сады, и в них зазвучит детский смех. Наша земля залечит глубокие раны, нанесённые этой фашистской ордой, но чёрные ямы противотанковых рвов, похоронившие тысячи человеческих жертв, обгорелые стены здания гестапо, под которыми нашли смерть в огне 300 советских патриотов, тысячи удушенных, расстрелянных, растерзанных, замученных, вечно будут стоять страшной тенью чудовищных злодеяний и звать нас к неукротимой мести и к расплате.

Враг ещё на нашей земле, он продолжает свои насилия над советскими людьми на захваченной территории. И сейчас, когда я произношу свою речь, где-то в ещё оккупированных немецко-фашистскими варварами районах рокочут моторы «душегубок», вывозящих новые жертвы к подготовленным для них могилам.

Всю полноту ответственности за зверства и злодеяния, учинённые в период оккупации города Краснодара и Краснодарского края, за пытки и издевательства, за массовые расстрелы, сожжение и изуверское истребление отравляющими газами, за сожжение и повешение ни в чём неповинных советских людей — стариков, женщин и детей, несут руководители разбойничьего фашистского правительства Германии и немецкого командования.

— Чудовищный кровавый вихрь, — говорил прокурор, — пронёсся над городами и сёлами Краснодарского края и унёс в могилу десятки тысяч человеческих жизней, но он не сломил ни на минуту духа советских людей и их веры в победу. В момент, когда смерть уже глядела в его глаза, краснофлотец, с накинутаю на шею петлёй, на площади Краснодара, отбросив пинком ноги в сторону предателя-полицейского, крикнул рыдающим женщинам:

— Не плачьте. Палачи народа ответят тысячами своих жизней. Скоро наши придут и за всё отомстят.

И окровавленная, избитая девушка Маруся в последние минуты жизни также бросила в лицо палачам:

— Придут наши и отомстят за нас!

Пройдут года. На лучшей площади возрождённого Краснодара будет воздвигнут памятник герою-краснофлотцу и всем тем безвестным патриотам, которые отдали свою жизнь за нашу советскую родину, за свой великий народ.

Так склоним же головы перед прахом принявших мученическую смерть наших братьев и матерей, наших детей и сестёр и поклянёмся именем их отомстить страшной мстью за предсмертные муки, за их кровь, за страшную их судьбу!

Поклянёмся до конца выполнить приказ великого Сталина «...освободить от гнёта немецких захватчиков граждан наших сёл и городов, которые были свободны и жили по-человечески до войны, а теперь угнетены и страдают от грабежей, разорения и голода, освободить, наконец, наших женщин от того позора и поругания, которым подвергают их немецко-фашистские изверги»... «Мстить беспощадно немецким захватчикам за кровь и слёзы наших жён и детей, матерей и отцов, братьев и сестёр».

Беспощадная месть, к которой призывает наш гениальный учитель и вождь, свершится; она неминуемо достигнет фашистских зверей, терзавших Краснодарский край, виновников тысяч смертей мирных жителей. Она достигнет и этих гнусных немецко-фашистских пособников, представших сейчас перед судом Военного трибунала!!

Дав подробный разбор преступлений каждого из подсудимых, прокурор потребовал смертной казни активным пособникам гитлеровцев Пушкарёву, Мисану, Напцоку, Котомцеву, Кладову, Речкалову, Тищенко и Ластовине.

Преступникам предоставили последнее слово... Что они скажут, эти душегубы? Что они могут сказать?

Они всхлипывали, жалко, противно выклянчивая помилование. Но слёзы их были отвратительны. Это корчились ядовитые гадины, которым вырвали жало.

Мы знаем настоящие слёзы. Разве не плакали жители Краснодара, когда раскопали противотанковый ров у завода измерительных приборов! Разве не рыдали матери, на глазах которых гитлеровские злодеи расстреливали сыновей! Разве не плакали дети, которых вталкивали пособники врага в «душегубки»! Это были слёзы ни в чём неповинных мучеников. Но эти слёзы не трогали германских холопов! Когда рыдали оплётанные, растерзанные немцами краснодарские девушки, они, эти предатели, не плакали, — они в это время крутили патефоны, и это называлось у них «музыкальным номером». Их не трогали глаза умирающих от жажды пленных красноармейцев, они вливали солёную воду в их окровавленные рты. Из подожжённого фашистскими палачами здания доносились крики горящих в огне советских людей и запах палёного тела, а они, иуды-предатели, стояли на карауле и курили немецкие сигареты! Тогда они не всхлипывали, эти продажные твари...

Они просят суд сохранить им жизнь и дать возможность искупить свои кровавые преступления перед родиной и советским народом.

— Молчите, изменники! Нет у вас родины, германские холопы! — раздались гневные возгласы из зала. С отвращением смотрели на пособников врага советские люди. Слова «родина-мать» в грязных устах предателя покорибили всех. Как смеют они, эти гитлеровские холуи, называть своей родиной-матерью советскую землю, которую они продали

за немецкие сребренники, на которую они пролили кровь советских граждан!

— Что посеешь, то и пожнёшь! — восклицали сидящие в зале люди, не в силах сдержать своё презрение к изменникам!

Вымаливая пощаду, преступники бормотали о «безвыходном положении», заставившем их добровольно пойти на службу в полицию и ходить на задних лапках перед гестаповцами. Они говорили о том, какие пауки и тираны гитлеровцы.

Да, мы знаем, что гитлеровцы — пауки и тираны. Мы знаем это давно. Но у настоящего сына родины не бывает безвыходных положений.

Когда шёл суд, люди в перерывах между заседаниями вели оживлённые разговоры. Здесь было много бойцов и командиров. Гвардии майор рассказывал о бойце-герое, которого тяжело ранил вражеский снаряд в тот час, когда он выполнял воинский приказ, — осколком ему разорвало живот. Но боец, прижав пилотку к страшной ране, шёл вперёд, чтобы выполнить свой долг.

Майор вспомнил об этом герое, великом патриоте родины. Он вспоминал о том, сколько страданий, горя принесли немцы нашей родине. В его глазах светилась любовь к своему народу, презрение и ненависть к врагу, к гнусным изменникам родины.

Когда предатели, всхлипывая, мямлили о «безвыходном положении», мы все, сидящие в зале, вспомнили капитана Гастелло, своим горящим самолётом взорвавшего вражеские цистерны. Мы вспомнили подвиги партизан. Мы вспомнили защитников Севастополя, Сталинграда, которые, обвязавшись гранатами, бросались под вражеские танки. Мы вспомнили ленинградских рабочих, которые в дни блокады, умирая от голода, не покидали станков. Ненависть к изменникам горячим свинцом залила наши сердца. Гитлеровские холоуи, лизоблюды, они продавали немцам за кружку пива

таких, как богатырь Гастелло, таких, как красноармеец с разорванным животом, таких, как ленинградские рабочие... И теперь они бормочут о пощаде!

Смерть им, смерть и вечный позор!

ПРИГОВОР НАРОДА

Все с нетерпением ждали приговора. Не только те, кто присутствовал в зале судебного заседания, — вся Советская страна, весь народ ждал приговора над проклятыми изменниками родины.

— Суд идёт! Прошу встать! — раздался чеканный голос бойца.

В зале воцарилась такая тишина, что слышно было, как стучат сердца.

Председатель суда огласил приговор:

Приговор

Именем Союза Советских Социалистических Республик

14 — 17 июля 1943 года Военный Трибунал Северо-Кавказского фронта в составе *председательствующего* — председателя Военного Трибунала Северо-Кавказского фронта полковника юстиции *Майорова Н. Я.*, членов: *заместителя председателя* Военного Трибунала того же фронта — полковника юстиции *Захарьянц Г. К.* и члена Военного Трибунала фронта — майора юстиции *Кострова Н. Н.*, при *секретаре* майоре юстиции *Гореве Л. А.*, с участием *государственного обвинения* в лице военного прокурора, генерал-майора юстиции *Яченина Л. И.* и *защиты* по назначению суда, в лице членов адвокатуры *Казначеева С. К.*, *Якуненко В. И.* и *Назаревского А. М.*, в открытом судебном заседании в гор. Краснодаре, рассмотрел дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории г. Краснодара и Краснодарского края, по которому обвиняются:

1. Тищенко Василий Петрович — 1914 года рождения, уроженец хутора Бичевая Балка, Павловского района, Краснодарского края.

2. Речкалов Иван Анисимович — 1911 года рождения, уроженец деревни Пичевки, Юргамышского района, Челябинской области, дважды судим за хищение и осуждён каждый раз к пяти годам лишения свободы, наказания отбыл.

3. Ластовина Михаил Павлович — 1883 года рождения, уроженец станицы Ново-Титаровской, Краснодарского района, Краснодарского края, кулак.

4. Тучков Григорий Петрович — 1909 года рождения, уроженец станицы Ново-Дмитриевской, Советского района, Краснодарского края.

Все четверо — в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «а» УК РСФСР.

5. Пушкарёв Николай Семёнович — 1915 года рождения, уроженец гор. Днепропетровска.

6. Мисан Григорий Никитович — 1916 года рождения, уроженец станицы Суздальской, Горяче-Ключевского района, Краснодарского края.

7. Напцок Юнус Мицухович — 1914 года рождения, уроженец аула Лекшукай, Тахтамукаевского района, Краснодарского края.

8. Котомцев Иван Фёдорович — 1918 года рождения, уроженец деревни Полонец, Зуевского района, Кировской области. Судим в 1937 году за хулиганство и осуждён на 2 года лишения свободы. Наказание отбыл.

9. Павлов Василий Степанович — 1914 года рождения, уроженец гор. Ташкента.

10. Парамонов Иван Иванович — 1923 года рождения, уроженец гор. Ростова-на-Дону.

11. Кладов Игнатий Фёдорович — 1911 года рождения, уроженец деревни Сизикова, Невьянского района, Свердловской области.

Все семь — в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1«б» УК РСФСР.

Материалами предварительного и судебного следствия Военный Трибунал фронта *установил*:

9 августа 1942 года немецко-фашистские войска, временно захватив гор. Краснодар и территорию Краснодарского края, по прямому указанию гитлеровского правительства и приказанию командующего 17-й германской армией генерал-полковника Руоф, при самом активном участии гестапо — немецкой тайной полиции, действовавшей под руководством шефа гестапо — полковника Кристман, его заместителя капитана Раббе, офицеров-гестаповцев — Пашен, Босс, Сарго, Сальге, Ган, Винц, Эрих Мейер, Ганс Мюнстер, немецких военных врачей тюрьмы и гестапо Герц и Шустер, сотрудников гестапо — переводчиков Якоб Эйкс и Шертерлан, совместно со своими пособниками — изменниками и предателями нашей социалистической родины — Тищенко В., Речкаловым И., Мисан Г., Ластовина М., Пушкарёвым Н., Тучковым Г., Парамоновым И., Напцок Ю., Котомцевым И., Павловым В. и Кладовым И., в течение более полугода различными зверскими методами истребляли мирное население гор. Краснодара и Краснодарского края. Гитлеровскими извергами и поименованными выше их пособниками расстреляно, повешено, удушено посредством отравляющих газов окиси углерода и замучено много тысяч ни в чём неповинных советских людей, в том числе женщин, стариков и детей.

Немецкие захватчики и их сообщники сожгли все промышленные предприятия, лучшие здания и дома мирных жителей гор. Краснодара, разграбили и уничтожили имущество государственных, хозяйственных, культурных и общественных организаций гор. Краснодара и Краснодарского края, забрали у населения всё продовольствие и другие материальные ценности и угнали в немецкое рабство большое количество советских граждан. В феврале

месяце 1943 года после изгнания Красной Армией германских оккупантов с территории Краснодарского края все вышепоименованные чудовищные злодеяния были советскими органами вскрыты во всей их полноте.

Судебным следствием также установлены факты систематического истязания и сожжения гитлеровскими разбойниками многих арестованных советских граждан, находившихся в подвалах гестапо, и истребления путём отравления газами окиси углерода в специально оборудованных автомашинах «душегубках» около семи тысяч невинных советских людей, в том числе свыше 700 человек больных, находившихся в лечебных заведениях гор. Краснодара и Краснодарского края, из них 42 человека детей в возрасте от 5 до 16 лет.

Выслушав объяснения обвиняемых, показания свидетелей, заключение судебно-медицинской экспертизы, а также речи государственного обвинения и защиты, Военный Трибунал установил виновность каждого из подсудимых, заключающуюся в том, что

1. Тищенко в августе месяце 1942 года добровольно поступил на службу в немецкую полицию, в сентябре месяце 1942 года был переведён в порядке поощрения сначала на должность старшины карательного органа гестапо «Зондеркоманды СС-10-А», а затем — следователя гестапо, одновременно являясь тайным агентом последнего.

Занимая у немецких захватчиков названные выше должности, Тищенко вместе с офицерами гестапо Боссом и др. часто выезжал на облавы и аресты партизан, коммунистов и других советских активистов. Под руководством офицеров-гестаповцев Сарго и Сальге вёл на них следственные дела, избивал их плетьюми, по его инициативе было задушено несколько человек, числившихся за ним заключённых советских граждан путём отравления окисью углерода в специально оборудованных для этой цели автомашинах «душегубках».

2. Пушкарёв в августе месяце 1942 года добровольно поступил на службу к гитлеровцам в полицию, затем вскоре был переведён на должность группенфюрера, командира отделения в вышеуказанной «Зондеркоманде».

Пушкарёв совместно с гитлеровцами-офицерами Штейн, Герц, Ган и др., под руководством шефа гестапо полковника Кристман, неоднократно выезжал с провокаторскими и карательными целями в станицы Гладковскую, Красный Псебебс, гор. Анапу и другие пункты, где участвовал в розысках, арестах и расстрелах партизан и других советских активистов.

Будучи начальником караула гестапо, Пушкарёв охранял арестованных советских граждан, участвовал в их истязаниях и избиениях, присутствовал при погрузке их в автомашины-«душегубки», в которых немецко-фашистские палачи умерщвляли людей путём отравления окисью углерода.

В начале февраля 1943 года перед изгнанием немцев из гор. Краснодара принимал участие в поджоге гестаповцами и взрыве здания, где помещалось гестапо с находившимися в нём арестованными советскими гражданами, в результате чего последние погибли.

3. Речкалов, будучи досрочно освобождён из места заключения, где он отбывал наказание за кражу, и уклонившись от мобилизации в Красную Армию, перебежал на сторону немецко-фашистских захватчиков в августе месяце 1942 года, добровольно поступил на службу в немецкую полицию, откуда через несколько дней за ревностное отношение к службе был переведён в «Зондеркоманду СС-10-А».

Выполняя обязанности полицейского и тайного агента гестапо, Речкалов нёс охрану арестованных, неоднократно выезжал в составе карательного отряда гестапо в станицы Гладковскую, Ново-Покровскую, Гастогаевскую и г. Анапу для выявления, арестов и убийств советских граждан.

В декабре месяце 1942 года сопровождал автомашину с отравленными окисью углерода людьми к противотанковому рву и участвовал в их разгрузке и закапывании.

4. Мисан в августе месяце 1942 года добровольно поступил на службу в немецкую полицию, а через 12 дней был переведён в «Зондеркоманду СС-10-А», где он систематически нёс охрану арестованных советских граждан, которые на его глазах подвергались истязаниям.

Мисан неоднократно принимал участие в погрузке арестованных советских людей в автомашины «душегубки», в которых гестаповцы умерщвляли их окисью углерода.

Мисан изъявил желание участвовать в расстреле гражданина Губского, проводившего антифашистскую деятельность. Мисан расстрелял Губского, чем заслужил доверие немецких оккупантов, и был после этого назначен тайным агентом гестапо.

5. Котомцев в сентябре месяце 1942 года добровольно поступил на службу в полицию при лагере для военнопленных, а в ноябре месяце 1942 года перешёл добровольно на службу в «Зондеркоманду СС-10-А», в составе которой активно помогал гестапо в истреблении советских граждан, участвуя в карательных экспедициях по борьбе с партизанами.

В январе месяце 1943 года Котомцев с карательным отрядом участвовал в вылавливании и арестах партизан в хуторе Курундупе и станице Крымской. При активном участии Котомцева в Курундупе была повешена девушка за связь с партизанами и в станице Крымской было повешено 16 человек советских людей.

6. Напцок добровольно поступил на службу в «Зондеркоманду СС-10-А» гестапо, где систематически нёс охрану находившихся в её застенках советских граждан. Много раз выезжал с карательной экспедицией по выявлению и истреблению партизан и других советских граждан. В январе с. г. при активном участии Напцок в станице Гасто-

гаевской и на хуторе Курундупе были повешены несколько советских людей.

7. Кладов в период временной оккупации немцами гор. Краснодара в сентябре 1942 года добровольно поступил на службу в «Зондеркоманду СС-10-А» гестапо, где охранял арестованных и одновременно был назначен тайным агентом по вылавливанию партизан и других лиц, помогавших Красной Армии.

8. Ластовина, скрывшись от репрессии в 1932 году, как кулак, прибыл в гор. Краснодар, где и устроился в больницу на службу в качестве санитаря. В декабре 1942 года, в период временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками гор. Краснодара, участвовал с гестаповцами в расстреле шестидесяти человек больных советских граждан.

9. Тучков в период временной оккупации немецкими захватчиками гор. Краснодара добровольно поступил на службу в немецкую полицию, а затем перешёл в «Зондеркоманду СС-10-А», в составе которой 3 раза участвовал в облавах и арестах сочувствующих советской власти людей.

10 и 11. Парамонов и Павлов добровольно поступили на службу в «Зондеркоманду СС-10-А» гестапо и находились в ней до изгнания фашистов из гор. Краснодара, неся в этой команде охрану арестованных и здания гестапо, участвуя в облавах и арестах партизан.

Таким образом, виновность всех перечисленных выше подсудимых в измене Родине доказана их собственными признаниями и показаниями свидетелей.

На основании ст. ст. 319-320 Угол. Процес. Кодекса РСФСР и, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19-го апреля 1943 года об изменниках Родины, Военный Трибунал *приговорил:*

Тищенко Василия Петровича, Речкалова Ивана Анисимовича, Ластовина Михаила Павловича, Пушкарёва Николая Семёновича, Мисана Григория Никитовича, Налцок

Юнуса Мицуховича, Котомцева Ивана Фёдоровича, Кладова Игнатия Фёдоровича — к *смертной казни через повешение*.

Тучкова Григория Петровича, Павлова Василия Степановича и Парамонова Ивана Ивановича, — как менее активных пособников, уличённых в оказании содействия немецко-фашистским злодеям, совершавшим зверские расправы с советским гражданским населением и пленными красноармейцами — к *сылке в каторжные работы сроком на двадцать лет каждого*.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий — полковник юстиции —

Н. Майоров:

Члены: полковник юстиции — **Г. Захарьянц,**
майор юстиции — **Н. Костров.**

Весь зал рукоплескал... Рукоплескали кубанские казаки, рабочие, фронтовики, учёные, врачи, учителя, писатели, священники. На улицах хлопали в ладоши дети. Весть о приговоре молниеносно облетела город. Весь Краснодар рукоплескал грозному и справедливому приговору, вся страна, вся Красная Армия... Молчали только преступники. Они заметались за перегородкой, как крысы в крысоловке. Напцок, который все дни судебного заседания просидел с невозмутимой каменной физиономией, побледнел и пошатнулся. Больше не ухмылялся Мисан. Капли пота выступили на отвратительной морде Тищенко. Застыли наглые глаза группенфюрера Пушкарёва. Дёрнул багровой шеей Ластовина. Снял и потом снова одел и снова снял пиджак Речкалов — его стало знобить...

Проходя мимо перегородки, за которой корчились приговорённые гадюки, старая колхозница в белом ситцевом платке, из-под которого выбились пряди седеющих волос, сказала, качая головой:

— Что? Знобит? Чувства лишились? Когда наших сынов терзали, чувства не лишались! Будьте вы прокляты, супо-

статы! Своими руками бы вас повесила, да и повесить вас мало, паразиты!

И, может быть, эти простые слова старой матери больше, чем всё сказанное за эти дни, обожгли преступников. Кладов закрыл вдруг трусливо ладонями лицо и затрясся в истерическом плаче.

— Грош цена слезам твоим, паразит! — сказала старая казачка, отвернувшись от перегородки, степенно поправила платок на голове и плавным, твёрдым шагом пошла к выходу.

Конвойные увели предателей...

ПРАВОСУДИЕ СВЕРШИЛОСЬ!

Радио известило о том, что 18 июля 1943 года в 13 часов в городе Краснодаре на городской площади будет приведён в исполнение приговор над изменниками родине. В эту ночь город не спал. Уже на рассвете к городу двигались по просёлочным дорогам люди. Шли, постукивая палками, старые седоусые кубанские казаки. Шли матери с детьми на руках. Шагали вереницами загорелые колхозные девушки. Всем хотелось своими глазами увидеть, как свершится правосудие, как гнусные предатели советской родины, земли кубанской будут наказаны за свои чудовищные злодеяния.

К часу дня на площади собралось свыше 30 тысяч человек. Бойцы, рабочие, колхозники. Старики, женщины, подростки. Плотной стеной обступили люди виселицы. На крышах, на деревьях — всюду были люди. И в первых рядах стояли те, у которых погибли от кровавых лап немецких захватчиков и их пособников родные — дети, братья, сёстры, мужья, жёны, отцы и матери. Давно ждали они часа возмездия.

Он пробил, этот час! Подъехали машины... Ровно в 13 часов изменников казнили. Чья рука их покарала? Их покарала рука тех, чьи дети, жёны и старики-родители зверски

замучены и уничтожены оккупантами. Это была святая месть. Рука всего советского народа покарала отступников.

Правосудие свершилось. Предатели родины повисели на позорных перекладинах. Раскатами грома прокатились по площади рукоплескания — всенародное одобрение приговора Военного Трибунала. И жаль только было краснодарским вдовам, жаль краснодарским сиротам, что близкие их, которые стали жертвами гнусного предательства, не могут быть здесь на площади в минуту расплаты.

Тысячи горящих, ненавидящих глаз — мужских, женских, детских, смотрели без страха и сострадания на мерзкие трупы. Каждому невольно хотелось сказать, глядя на эту паршивую падаль:

— Не обдувай их, ласковый ветер Кубани, не грей их, щедрое солнце родины. Это — отступники! Это — изменники!

Ненавистью горели глаза старой матери, у которой гитлеровские выродки ни за что, ни про что повесили на Красной улице единственного сына. Пять месяцев ждала часа возмездия седая от горя мать.

Закачались на виселицах поганные трупы с надписями:
«Казнён за измену Родине».

До вечера не иссякал людской поток на площади. Люди всё шли и шли из пригорода, из станиц. Шли матери, отцы, сёстры, дети жертв немецкого гестапо... Из станицы Тимашевской пришёл пешком юноша.

— Кто из них Тищенко? — спросил он у людей, которые стояли вокруг виселиц.

— Вот этот! — указали ему.

Гневно взглянул он на мёртвого предателя и тихо произнёс:

— Он убил мою мать...

А люди всё шли и шли на площадь. До поздней ночи вспыхивали возле виселиц маленькие митинги — это пострадавшие от немцев рассказывали о пережитых страданиях и справедливом приговоре.

— Ни одному гаду не дадим спуска! — восклицала женщина, — будем глядеть в оба, немец ещё жив... А этим так и надо! Пусть знают все проклятые изверги наш закон: собакам — собакаья смерть!

— Земляки! Не победить немцам России, — говорил рабочий-шорник, — советский народ отомстит им за свои муки, как отомстил этим гадам ползучим... Мы предателей с корнем вырвем из нашей земли, как бурьян поганый! Смерть предателям! Смерть Гитлеру!

— Прошу слова! — волнуясь, сказал безрукий воин, инвалид Отечественной войны, — товарищи! Мы на фронте с врагом дрались, кровь проливали, сил своих не щадили, а в это время эти иуды наших близких терзали... Товарищи, поклянёмся мстить беспощадно за кровь и слёзы наших детей и жён!

— Друзья! Земляки! — воскликнул боец-гвардеец, приехавший на казнь с фронта, — товарищи, придёт время, и мы будем судить всю гитлеровскую орду! Не уйти немецко-фашистским палачам от приговора! Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Два дня качались на перекладинах мёртвые тела изменников. Два дня кипел вокруг них народ. Проклятия срывались с уст стариков и детей. Проклятия срываются с уст всех честных людей нашей советской родины.

Будьте вы прокляты, изменники земли русской! Будьте прокляты, предатели советского народа! Вечный позор да падёт на ваши мёртвые головы!

ГИТЛЕРОВСКИМ ЛЮДОЕДАМ НЕ УЙТИ ОТ ВОЗМЕЗДИЯ

Гитлеровские выкормыши — полковник Кристман, капитан Раббе, доктор Герц, офицеры Босс, Сарго, Сальге и другие злодеи улизнули. Они ещё не пойманы. Они ещё не сидят на скамье подсудимых, не висят на перекладинах,

Но мы их поймаем! Они не спрячутся от нас. Мы найдём их, где бы они ни скрывались. Придёт час, когда не только эти бешеные волки, но вся гитлеровская звериная орда будет держать ответ за свои кровавые злодеяния перед советским народом и перед всем человечеством.

Будет судебный процесс, на котором первые места на скамье подсудимых займут Гитлер, Геббельс, Геринг и все их подручные. И мы принесём тогда на суд детские окровавленные рубашонки. Мы приведём на суд подростков с отрезанными руками. Мы приведём на суд матерей с выколотыми глазами. Не только кристманы, герцы, но все гитлеровские людоеды ответят миру за трупы младенцев с синими пятнами на шеех, за «душегубки», за все свои кровавые злодеяния.

Да и разве только в одном Краснодаре бесчинствовали и зверствовали немецкие выродки! Разве это первое преступление гитлеровских разбойников! Нет, это не первый случай массового умерщвления мирных советских граждан. Это — их программа, их система. Главари гитлеровской Германии с первых дней войны разработали целую программу истребления советских людей. Вот откуда — эти механизированные могилы на колёсах, эти автобусы смерти.

Свою кровавую программу немцы осуществляли во всех городах и сёлах, которые им временно удалось захватить. Везде они не щадили ни малых, ни старых, ни детей, ни женщин, ни беспомощных стариков.

Наша Красная Армия освобождает сейчас один за другим советские города и деревни и во многих местах находит эти чудовищные «душегубки».

Мы сохраним эти серые машины с пятнами крови. Мы привезём их на суд, который скоро начнётся...

Вернуть жизнь погибшим мученикам мы не можем. Но отомстить мы должны. И мы это сделаем!

Немцы почуяли, что на советской земле придёт им гибель. Они торопятся. Они спешат придумать новые гнусные

провокации, спешат замести следы, они дрожат за свои шкуры.

Но суд идёт! Суд идёт, товарищи!

Миллионами убитых солдат и офицеров гитлеровцы уже заплатили за зверства. Но этого мало. Расплата ещё впереди.

Вперёд же, воины Красной Армии! Ещё крепче, без промаха бейте оголтелого врага.

Партизаны, вперёд! Мстите без пощады, уничтожайте убийц ваших детей, жён, сестёр, матерей, земляков.

Труженики тыла! Больше вооружения, больше хлеба, угля, нефти, руды фронту и стране, трудом своим приблизим час возмездия.

Жители временно оккупированных немцами районов, будьте на-чеку! Не попадайтесь на провокации гитлеровских людоедов и их прихвостней.

Все вместе мы приблизим начало великого судебного процесса над гитлеровской Германией.

Все вместе мы подпишем суровый приговор немецким захватчикам.

Смерть немецким оккупантам, смерть гитлеровским бан-дита, смерть душегубам!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Немецкая «душегубка»	1
Кто палачи?	4
На скамье подсудимых	5
Зондербанда	6
Провокации гитлеровских палачей	10
В застенках гестапо	12
Речь прокурора	21
Приговор народа	26
Правосудие свершилось!	34
Гитлеровским людоедам не уйти от возмездия	36

Редактор М. Гильгулин

Подписано к печати 21 сентября 1943 г. А 1650.

Тираж 100 тыс. экз.

Цена 40 коп.

Объем 1¼ печ. л.

Заказ № 2253.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

63